

Татьяна Юденкова

«Стремление быть полезным обществу...»

К 175-летию со дня рождения Сергея Михайловича Третьякова

Имя Сергея Михайловича Третьякова (1834–1892) – собирателя западноевропейского искусства, коллекция которого легла в основу собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С.Пушкина, известно не столь широко. О нем чаще вспоминают в связи с Павлом Михайловичем Третьяковым. Однако при жизни братьев некоторое время большей известностью пользовался младший из них – Сергей, а Павел, владелец уже известной тогда художественной галереи, представлялся москвичам как брат «нашего теперешнего городского головы». Когда звучало имя одного из братьев, незримо присутствовал и другой. Жизнь Павла и Сергея Третьяковых прошла во взаимной поддержке, общих занятиях. Они много работали на благо отечества. Пройдя по жизни вместе, как говорится «рука об руку», каждый из них оставил свой след в истории русской художественной культуры и родного города.

В процессе подготовки историко-художественной и мемориальной выставки, посвященной братьям Третьяковым и приуроченной к 150-летию Третьяковской галереи, выявился огромный пласт материалов, по-новому раскрывающих историю коллекции, предпринимательскую и связанную с ней благотворительную деятельность московских купцов, в особом свете предстала и фигура Сергея Третьякова. Несмотря на ряд публикаций последнего времени¹, многое в жизни и деятельности Сергея Михайловича еще нуждается в уточнении.

По воспоминаниям близких, Павел Михайлович «души не чаял в брате Серее», всю жизнь питал к нему

мне, но совесть моя совершенно покойна за искреннее и постоянное мое стремление быть полезным обществу»³, – писал Сергей Михайлович.

Он любил общество и свет, активнее, нежели старший брат входил в социально-политическую жизнь города, участвовал как гласный Московской городской думы (1866–1892) в разработке многих законопроектов. Купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин (с 1856), коммерции советник (с 1875), дворянин (с 1878), действительный статский советник (с 1883), член Московского отделения Совета торговли и мануфактур (с 1868), председатель Московского общества любителей художеств (1889–1892), он также был членом совета Московского художественного общества и директором правления Русского музыкального общества, оказывал финансовую поддержку Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества и Московской консерватории, был почитателем ряда городских ремесленных училищ. И это далеко не полный перечень его званий, должностей и заслуг.

Пожалуй, самым ярким периодом «жизни во благо общества» стало избрание Сергея Михайловича московским городским головой (1877–1881). Проявив организаторский талант, волю, он взял на себя руководство хозяйством, требовавшим постоянного внимания и заботы. Отметим, что при его активном участии в июне 1880 года прошли Пушкинские торжества, открытие памятника поэту на Страстной площади. «...Лучшего выбора сделать нельзя было, – писали о Сергее Третьякове. – Умный, культурно-образованный, обладавший прекрасным, но очень твердым характером, он умел... одушевлять

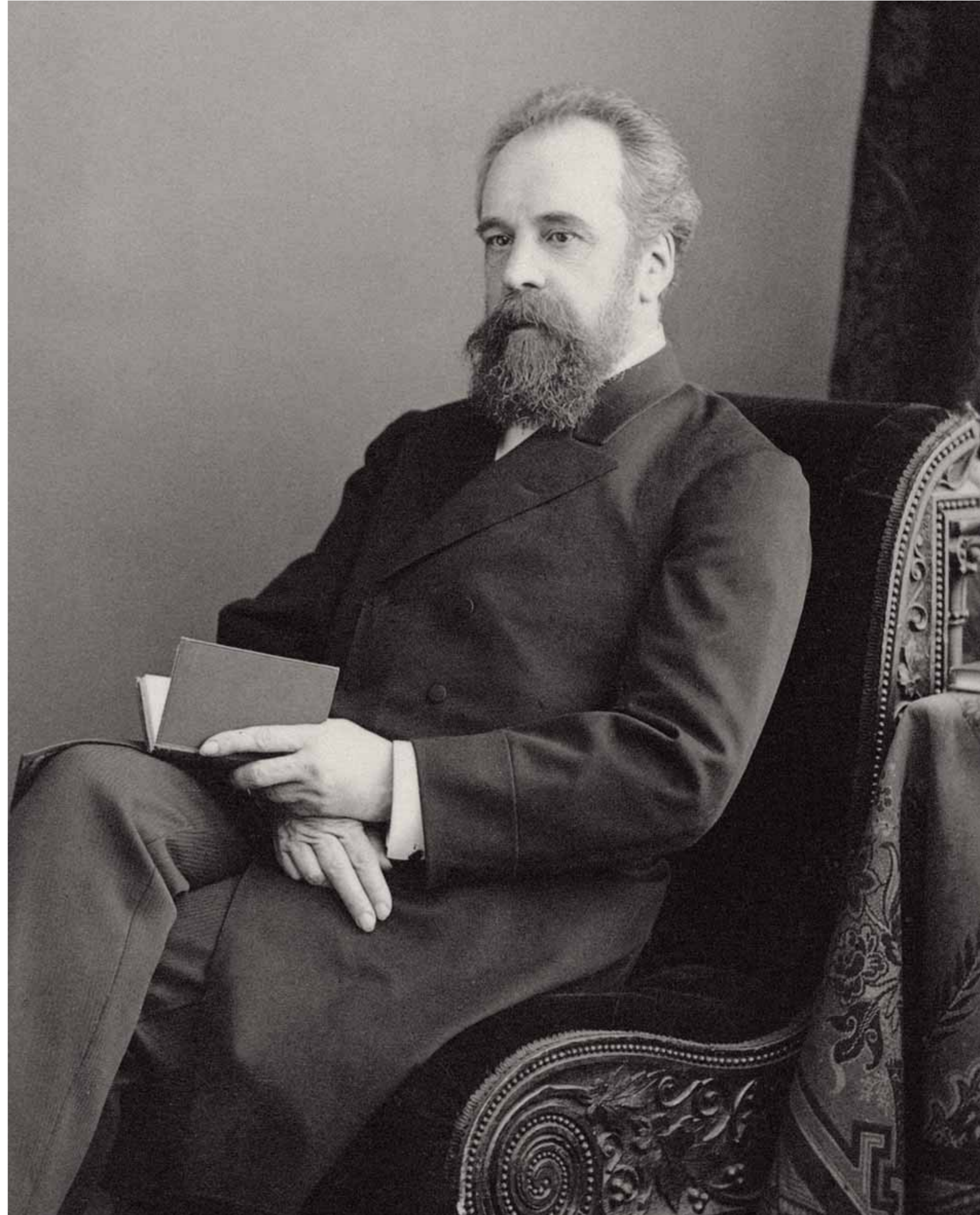
Портрет ▶
С.М.Третьякова
Альбумин. 1881
Ателье
«Левитский и сын»
ОР ГТГ

Sergei Tretyakov ▶
Albumin print. 1881
Atelier
“Levitsky & Son”
Tretyakov Gallery Manuscript
Department

¹ Полунина Н.М. С.М. Третьяков // Кто есть кто в коллекционировании старой России: Новый биографический словарь. М., 2003; Приймак Н.Л. Сергей Михайлович Третьяков – меценат, коллекционер, общественный деятель // Третьяковская галерея. 2004, № 3 (04). С. 62–73; Юденкова Т.В. Мемориальная и историко-художественная выставка, посвященная П.М. и С.М. Третьяковым: Путеводитель по выставке. М., 2006; Ненарокова И.С. «Рябый любитель художества». Сергей Михайлович Третьяков // Русское искусство. 1/2008 С. 48–55; Кафтанова Т.И. «На память совместного служения» // Третьяковская галерея. 2008, № 4 (21). С. 14–23.

² Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1995. С. 196 (Далее – Боткина).

³ ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 3768.

Tatiana Yudenkova

Sergei Tretyakov: “Aspired to Serve the Community...”

On the 175th anniversary of Sergei Mikhailovich Tretyakov

The name of Sergei Mikhailovich Tretyakov (1834-1892) is not well-known, even though his collection of Western European works of art was the origin of the collection of the Pushkin Museum of Fine Arts. More often, his name is recalled only in connection with that of his elder brother Pavel. Yet, during the Tretyakov brothers' lifetime, Sergei enjoyed more fame than his brother. At that time, Pavel – the owner of Moscow's renowned art gallery – introduced himself to fellow citizens as “the Mayor's brother”. When one brother was mentioned, another was also present on the scene, albeit invisible. Throughout their lives, Pavel and Sergei Tretyakov supported and advised each other. The brothers shared common interests and did much work for the benefit of their country. It is possible to say that they “walked along the path of life hand in hand” – so much was shared in common – yet each one of them left his own imprint on the history of Russian art and of their home town.

When an historical and art exhibition dedicated to the Tretyakov brothers was organized to commemorate the Tretyakov Gallery's anniversary in 2006, many documents were discovered that shed a new light on the history of the collection, as well as on the commercial and philanthropic activity of the Moscow merchants. Other facets of Sergei Tretyakov's personality were also revealed. Yet, despite some recent publications¹, many aspects of the younger Tretyakov's life and work have still to be clarified.

According to close relatives of the Tretyakov family, Pavel Mikhailovich “doted on Seryozha” and throughout his life had only warm feelings for his younger brother. As Alexandra Botkina recalls:

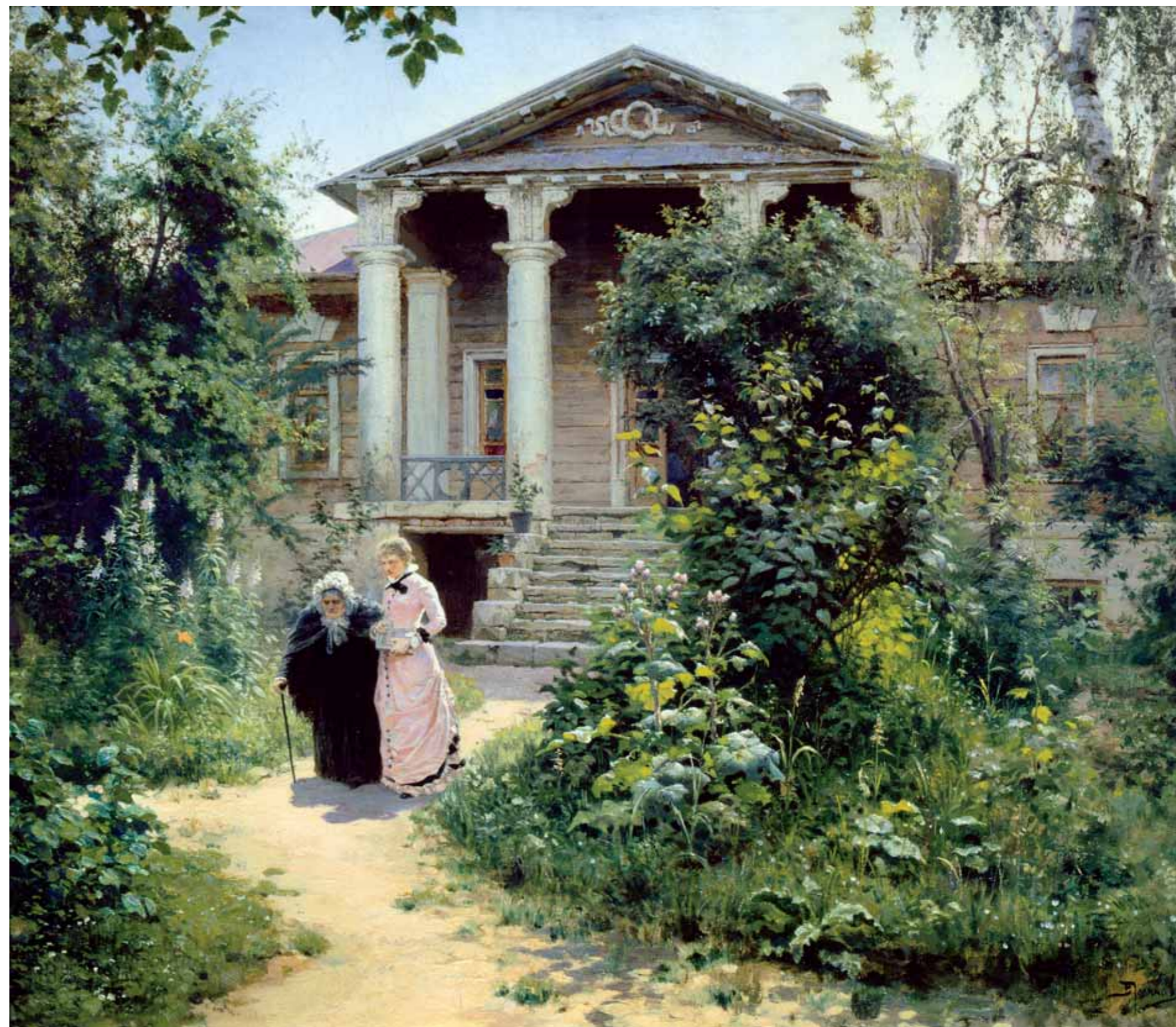
“Pavel valued Sergei; no trace of rivalry or envy could ever taint their relations.”² Sergei was “Pavel's best friend” and a godfather for Pavel's six children. Yet, on business matters the brothers sometimes disagreed. The elder brother sometimes expressed disapproval of the younger Tretyakov's behaviour. “I feel very sad when I hear you rebuking me of being indifferent to the community's welfare”, Sergei wrote to Pavel. “Better than anybody else, you know that most of my life – or, at least, my best years – were dedicated to community service. Whether I succeeded or failed, it's not for me to answer this question. Yet, my conscience is at peace, as I sincerely and steadfastly aspired to serve the community.”³

Sergei Tretyakov enjoyed society and public life, and more actively than his elder brother participated in the social and political life of his home town. As a member of the City Council (1866-1892), he took part in preparation of draft legislation. A merchant of the highest rank according to the Merchants' Classification, he was granted the hereditary title of honorary citizen in 1856. He received the title of Councilor of Commerce in 1875; in 1878 Sergei Tretyakov was knighted, and the title of Actual Councilor of State was granted to him in 1883. From 1868 he was a member of the Moscow branch of Council for Trade and Manufacturing. He chaired the Moscow Society of the Friends of the Fine Arts from 1889 to 1892. Sergei Tretyakov was also a member of the Moscow Art Society's Board and headed the Russian Musical Society's Board. He sponsored the Moscow School of Arts and the Moscow Conservatoire, and provided financial support to several professional schools in Moscow. Such a list of his titles and appointments is still incomplete.

His appointment as the Mayor of Moscow from 1877 to 1881, perhaps, may be considered the most remarkable period of his life, in which he “aspired to serve the community”. On assuming the office, Sergei Tretyakov showed his great talent for administration and strong will. He actively participated in organizing the Pushkin Days in Moscow in June 1880 and in the ceremony of unveiling the statue to Pushkin on Strastnaya Square.

“He was the best candidate for the office. Intelligent, educated in culture and arts, good-natured but very strong-willed, he could ... inspire his subordinates and colleagues and instill in their hearts love and devotion to the work, which he himself so passionately loved and knew so well...” – such was the opinion of his contemporaries. “Under Tretyakov's leadership, the Municipal Council supported and guided young talented specialists in various fields – engineers, architects, doctors, and the like. Many of those ‘young talents’ later became famous and their names were registered in the city annals.”⁴ The “Moscow Period” of Sergei Tretyakov's life deserves more detailed research, even though many facts are commonly known. However, the later days of the younger Tretyakov, which may be described as the “St. Petersburg Period” have been hardly ever studied.

After 1881, Sergei Tretyakov lived mostly in St. Petersburg. In winter he stayed in the city, during summertime – in the sub-

В.Д. ПОЛЕНОВ
Бабушкин сад. 1878
Холст, масло
54,7 × 65
ГТГ

Vasily POLENOV
The Grandmother's Garden
Oil on canvas
54.7 × 65 cm
Tretyakov Gallery

⁵ Botkina A.P., p. 249

urbs: he rented a summer house in Old Peterhof. Every year he spent a few months abroad with his wife. Sharing a business and living in different cities, the Tretyakov brothers were engaged in active correspondence prompted by the need to reconcile business decisions. That is why today the manuscripts department of the Tretyakov Gallery has a precious collection of Sergei Tretyakov's letters, carefully collected and saved by his brother. Sergei's correspondence consists of business letters, which emphasize the self-discipline of a businessman and show the author's talent to express

a topical problem concisely. He preferred personal conversation to speak about the “incredible impressions” of his trips. As for opinions of prominent statesmen and relevant “delicate” details, Sergei also avoided mentioning them in his letters. Yet, this set of documents gives a bright insight into Sergei Tretyakov's life in the 1880s and reflects his social and business interests, as well as the aesthetic and artistic preferences of that period.

As Botkina recalls, “Sergei Mikhailovich was mostly responsible for import operations and for Moscow trade”⁵; Pavel

Tretyakov single-handedly controlled all other financial and business transactions of The Tretyakov Brothers & Konshin's Trading Company. From the early 1880s the younger Tretyakov practically withdrew from active participation in the business. Yet, in St. Petersburg his connections, reputation, business acumen and outgoing personality secured him access to the highest official circles. That is why his part in the brothers' joint business should be re-evaluated. He was well received in the Department of Trade and Manufacturing, which supervised operations of The Tretyakov

¹ S.M. Tretyakov // Polunina N.M. Who is Who Among Art Collectors of Pre-Revolutionary Russia. A biographical dictionary. M., 2003; Primak N.L. Sergei Mikhailovich Tretyakov – Philanthropist, Art Collector and Public Figure // The Tretyakov Gallery magazine. 2004. No. 3 (04). p. 62-73; Tatyana Yudenkova. A Historical and Art Exhibition Dedicated to Pavel and Sergei Tretyakov. The Exhibition Guide. M., 2006; Irina Nenarokomova. “An Ardent Admirer of Art”. Sergei Mikhailovich Tretyakov // Russian Art. 1/2008, p.48-55; T.I. Kaftanova. Sergei Tretyakov: In Memory of Mutual Service // The Tretyakov Gallery magazine. 2008. No. 4 (21), p.14-23

² Botkina A.P. Pavel Mikhailovich Tretyakov in life and art. M., 1995, p. 196

³ The Tretyakov Gallery Manuscript Department. F.I. Unit of Issue 3768.

⁴ Golitsyn V.M. Moscow in the 1870s // “Voice of the Past”. 1919. Nos. 5-12, p. 147.

А.П.БОГОЛЮБОВ
Ипатьевский
монастырь близ
Костромы. 1861
Холст, масло. 55 × 90
ГТГ

Alexei
BOGOLYUBOV
*The Ipatyev Monastery
near Kostroma.* 1861
Oil on canvas
55 × 90 cm
Tretyakov Gallery

Brothers & Konshin's Trading Company. For many years he lobbied on behalf of the family business, carried out negotiations, gathering important information on the new draft laws and impending financial audits, and petitioned to the authorities on behalf of his company. He always acted as the influential representative of the brothers' trading company and even represented other Moscow manufacturers.

Often he had to settle business disputes that occurred regularly. In 1884, he had to put much effort into restoring the good reputation of the Tretyakovs' company, which had been unjustly accused in smuggling goods into Russia. At the same time, he continued supervising import purchases for the Tretyakov brothers' shop on Ilyinka street, which received goods from France and the United Kingdom, and a little later from the Netherlands and Ireland. Goods were imported even from China. On many business issues he convinced his elder brother to take risks, even though Pavel himself always was cautious and preferred stability and secure contract terms. Unlike Pavel, Sergei was not afraid of risk: sometimes he offered to enter a new project on unfavourable terms in the hope that inconveniences could be settled later for mutual benefit.

On November 16 1888, Sergei Tretyakov prepared his will, in which he donated his art collection to the city of Moscow to found a city art gallery – such was the desire of his brother Pavel, as each of the brothers was familiar with the contents of the other's will. The Tretyakov brothers had decided to unite their collections and donate them to the city long before the actual transfer of the property took place. On July 25 1892, Sergei Tretyakov died in Peterhof of cardiac rupture.

A year after Sergei's sudden death Pavel wrote: “... he loved art passionately and collected works of Western artists only

because I chose to collect Russian works of art; yet, he left his capital to use the interest for purchasing works of Russian artists only. As a person, he was better than me.”⁶

Sergei Tretyakov started collecting works of art after his brother in the early 1870s. Initially based on different principles, the Tretyakov brothers' collections differed in their contents and nature. It was quite natural given the difference in the brothers' personalities and lifestyle. Yet, certain similarity did exist: both Pavel and Sergei started their collections with works of contemporary artists and preferred landscape paintings. However, as new items were added, the owners felt a desire to turn them into collections reflecting the history and development of art, and they started looking for the works from earlier periods. One of the main clauses contained in both brothers' wills provided for uniting the two collections and the transfer of their ownership to the brothers' hometown. Special halls at the Collector's House in Tolmachi were the home to Pavel's collection, and available to the general public from 1881. Sergei's private residence housed his collection, which was available only for friends and persons recommended to the owner.

Sergei was mostly interested in works by modern West European artists, primarily from France. They were valued more highly than works of Russian artists, and for an inexperienced collector it was difficult to fully comprehend the complexity of Paris' art life given the variety of its styles and genres. In the beginning, Sergei took advice from Alexei Bogolyubov and Ivan Turgenev. In the opinion of Irina Kuznetsova,⁷ the latter's advice had the most significant impact on the contents of the younger Tretyakov's collection and fostered his love for the Barbizon school.

Sergei's letters of the 1870s reveal the portrait of a young collector, impulsive and charged with emotions. His interest was easily kindled, and he was carried away. Yet,

on suspecting dishonest or – what's even worse – fraudulent behaviour, Sergei's interest “waned” very fast. “Madame Levenstein again tried to deceive me. It turned out that Gupil's offer to her was 10,000 francs, not 12,000, as she had told me initially. She intended to defraud me of 2,000 francs by sending a telegramme with the exaggerated price. I have no intention to buy any painting here, unless it will be something exceptional,” he states flatly in his letter to Pavel sent from Paris in the autumn of 1878. Yet, during his stay in Paris, Sergei was carried away by the city's atmosphere time and again. With all the passion of a collector, he was caught up in the whirlwind of sales, purchases and exchanges of works of art. “I've already sent you two letters... In the first one I was asking you to send to the address of Arnold & Tripp, 8, rue st. George, Dupre's and Daubigny's works... In the second letter, I asked you to send to the address of George Petit, 7, rue st. George Daubigny's painting, which was bought from Vargunin, and a work by Messonier. Now I would ask you to send two more paintings – by Rousseau and Wahlberg. Being in want of money, I.S. Turgenev decided to sell a painting by Rousseau and I bought it. Now I have two paintings by Rousseau so I will sell the old one... I think of buying something extraordinary to replace the sold paintings, but I haven't yet decided what exactly I want to buy. I saw many exquisite works of art but bought only Turgenev's Rousseau and Munkacsi [his work “Making Up a Bouquet” – *T. Yu.*] to replace the sold paintings. I have mentioned Munkacsi's work in my previous letter.”⁸ Sergei wrote to Pavel from Paris in 1882. Less than a month later, he thanks Pavel for his assistance: “All paintings that you'd sent arrived in good shape. I sold them with a gain, including Messonier. Instead... I bought truly outstanding works, and now I have an excellent collection of paintings.”⁹ From Sergei Tretyakov's letters it transpires that he knew Messonier personally and through Pavel conveyed the artist's requests regarding representation at exhibitions for Moscow collectors.

Sergei Mikhailovich bought artworks from collectors and merchants, in Paris from Gupil, Drouot's auctions, and galleries owned by Duran-Ruel, Petit, Arnold and Tripp. He also visited the Paris Art Gallery and the major exhibitions, including international ones. Thus, Jules Breton's work “Fishermen in Menton” was purchased at the International Exhibition held in Paris in 1878. At Gupil's Sergei bought Luigi Loir's painting “Smoke of the Paris Railroad”. Obviously, Bogolyubov and Turgenev aided him in establishing direct contacts with artists, whom Sergei visited at their studios.

Sergei Tretyakov was the first Russian art collector who attempted to create a collection representing the history of 19th century French art. From the late 1880s, Sergei acquired works by David, the founder of French Neoclassicism, who lived at the turn

К.Ф.ГУН
«Полнаса!». 1875
Холст, масло. 52 × 67
ГТГ

Karl GUN
Got You! 1875
Oil on canvas.
52 × 67 cm
Tretyakov Gallery

своих сотрудников и сотоварищей, внушать им любовь и преданность делу, которое сам он безгранично любил и которое знал до мельчайших подробностей... Третьякову удалось собрать при Управе и воспитать целый ряд молодых деятелей – специалистов, инженеров, архитекторов, врачей, из которых многие заслужили громкое имя в городских летописях⁴. Московский период жизни Сергея Михайловича требует более подробного изучения, хотя многие факты уже широко известны, но о последнем периоде жизни младшего Третьякова, который следовало бы назвать петербургским, почти нигде не говорится.

После 1881 года Сергей Михайлович в основном зимой жил в Санкт-Петербурге, а летом – на арендуемой даче в Старом Петергофе. Ежегодно вместе с женой на несколько месяцев он уезжал за границу. Исменя общее предпринимательское дело и находясь в разных городах, братья Третьяковы вынуждены были вести активную переписку, связанную с постоянной обуюдной потребностью согласовывать принимаемые решения. Сегодня в отделе рукописей ГТГ находится бесценная коллекция писем младшего Третьякова, которую бережно сохранил Павел Михайлович. Письма Сергея Михайловича носят деловой характер, подчеркивают собранность предпринимателя, умение

ясно изложить волнующую проблему. О «громдных впечатлениях», полученных во время путешествий, он предпочитал рассказывать при личном свидании, полагал неудобным сообщать в письмах и о многих «деликатных» подробностях дел, связанных с мнениями важных государственных чиновников. И тем не менее этот блок материалов ярко характеризует Сергея Михайловича периода 1880-х годов, круг его общественно-предпринимательских и художественно-эстетических интересов.

Из воспоминаний Боткиной известно, что «Сергей Михайлович главным образом вел закупки товаров за границей, также торговлю в Москве»⁵, а все прочее, т. е. торгово-финансовые операции торгового дома «П. и С. Братья Третьяковы и В.Коншин» контролировал Павел Михайлович единолично. В самом деле, младший Третьяков с начала 1880-х отошел от непосредственного ведения торговых дел. Однако, находясь в Петербурге, благодаря связям, авторитету, врожденной общительности и деловой хватке, он оказался «своим» в высших чиновничьих кругах. В этом смысле его роль в предпринимательском деле братьев Третьяковых еще предстоит осмыслить. Он был вхож в Департамент торговли и мануфактур, в непосредственном ведении которого находился торговый дом Третьяковых, на протяжении многих лет лоббировал

интересы семейного дела, вел разного рода переговоры, добывая важную информацию о готовящихся законопроектах, о грядущих финансовых ревизиях, продвигая ходатайства собственной фирмы. Порой выступал и от лица московских фабрикантов.

То и дело ему приходилось улаживать постоянно возникавшие конфликты. В 1884 году он приложил много усилий для восстановления доброго имени фирмы Третьяковых, несправедливо обвиненной в провозе контрабандного товара. В то же время Сергей Михайлович продолжал руководить закупками для магазина братьев Третьяковых на Ильинке, куда товар поступал из Франции, Англии, позже – из Голландии, Ирландии и даже из Китая. По многим вопросам торгово-предпринимательской деятельности Сергею Михайловичу удавалось уговорить старшего брата, предпочитавшего осторожность и любившего стабильность и гарантированные условия договоров. В отличие от Павла, Сергей не боялся рисковать, порой предлагая начать новый проект на невыгодных условиях в надежде на то, что впоследствии можно будет все уладить с пользой для общего дела.

16 ноября 1888 года Сергей Третьяков составил духовное завещание, по которому, учитывая желание брата, пожертвовал свое художественное

⁶ Repin I.E. Letters: Correspondence with P.M. Tretyakov, 1873–1898 / Prepared for print and notes by M.N. Grigorjeva and A.N. Schekotova. M.: L., 1946, p. 165.

⁷ I.A. Kuznetsova. Sergei Mikhailovich Tretyakov's Collection of West European Art // Private Collecting in Russia. Conference Proceedings. Issue XVII. M., 1995, p. 143

⁸ The Tretyakov Gallery Manuscript Department. F.1. Unit of Issue 3661

⁹ The Tretyakov Gallery Manuscript Department. F.1. Unit of Issue 3662

⁴ Голицын В.М. Москва в семидесятых годах // «Голос минувшего». 1919. № 5–12. С. 147.

⁵ Боткина. С. 249.

А.А.ИВАНОВ
В парке виллы Дориа
Бумага на холсте,
масло. 30 x 46
ГТТ

Alexander IVANOV
In the Park
of Villa Doria
Oil on paper mounted
on cardboard
30 x 46 cm
Tretyakov Gallery

of the 18th century, as well as paintings by the representatives of the French Romantic school — Delacroix and Gericault. The collection includes some excellent works of the Barbizon school, including Rousseau, Diaz de la Penja, Dupre and Troyon, another French Barbizon school painter. The artists whom the collector most valued are represented by a greater number of paintings — there are seven paintings by Corot and six by Daubigny. Another popular school of that time — Orientalism — also found its place in Sergei's collection. Among artists representing modern Realism the younger Tretyakov preferred Millet, Courbet, Bastien-Lepage and Dagnan-Bouveret. His last purchase was Corot's "Diana Bathing". Sergei may also be credited with discovering talents given that he bought works by then-unknown artists, such as Luigi Loir and Pascal-Adolphe-Jean Dagnan-Bouveret.

From the early 1880s onwards Sergei Tretyakov started purchasing paintings representing other famous West European schools to complement his collection, including works by Spanish, Belgium, Swiss and German artists. Thus, he acquired some works by artists already famous in Europe: the English painter of Dutch descent Alma Tadema, the Hungarian master Mihaly Munkacsy, and the Spaniard Mariano Fortuny, admired by many a Russian artist for his twinkling, lively colours — both Kramskoy and Repin wrote enthusiastically about him.

In selecting items for his collection, Sergei was very scrupulous and showed his great taste for true art. In the words of Igor

Grabar, he founded a "unique" gallery of European art, which attracted admirers of Western art. A premises on Prechistensky Boulevard was chosen as the location for the younger Tretyakov's collection, and the building housing the gallery was always accessible for young artists, students of the Moscow School of Art and Sculpture, and all those who loved art. Thus arranged, the solution targeted some of the goals set by the Moscow-born merchant-philanthropist who was a true citizen and patriot: to found in Moscow a permanent exhibition of modern European art was an important step from historical, cultural, aesthetic and educational perspectives alike.

Both Tretyakov's contemporaries and his descendants frequently spoke about the influence of his collection on Russian art, and remembered it with sincere gratitude. Thus, it is generally agreed that many Russian artists, including Mikhail Nesterov and Valentin Serov, were to some extent influenced by Jules Bastien-Lepage's "Village Lovers". In Vasily Polenov's opinion, many paintings were influenced by Dagnan-Bouveret's "Blessing of the Newlywed", including Elena Polenova's "Visitors", Illarion Pryanishnikov's "Waiting for the Best Man", Vladimir Makovsky's "Declaration", Valentin Serov's "A Girl with Peaches", and even Ilya Repin's "Unexpected Visit". According to some specialists, Konstantin Korovin's "The Tea Table" should be also included in this list. It is a well-known fact that many artists visited Sergei Tretyakov's gallery with the purpose of copying famous works — for example, Isaak

Levitan and Konstantin Korovin copied Corot's works.

After Sergei Tretyakov's death, when the collection had to be transferred to the city as municipal property, it consisted of 84 items which included paintings and drawings by West European artists, four ancient statuettes and a pitcher, as well as three French tapestries dated 17th-18th century.

Every collection reflects the collector's particular personality. Sergei Tretyakov was a passionate collector; he was emotional and impulsive; sometimes he acted recklessly and sometimes cautiously. He was not afraid to buy and to abandon his purchase later. Without regret, he often exchanged some of his collection works for new ones and easily parted with his recent acquisitions. He passionately argued to reduce the items' price, and when he discovered fraud, he was indignant. Judging by his letters, Sergei Mikhailovich could be carried away and inspired easily, yet he kept his desires under control when it came to the evaluation of a potential purchase's true cost. In his letters to brother Pavel he gave a realistic assessment of the works of art. Of course, like any other collector, he made mistakes, and later a few items from his collection were attributed to other authors (for example, "Portrait of a Young Man" by David then was attributed as belonging to "David's school"). Yet, his "errors of judgment" were rather rare.

Sergei Mikhailovich had a natural taste and an "eye for art". The younger Tretyakov was often called "an amateur", yet it was obvious that he appreciated art

А.А.ИВАНОВ
Голова мальника-
пиффераро
Этюд
Бумага на холсте,
масло. 32 x 41
ГТТ

Alexander IVANOV
Head of a Pifferaro Boy
Study
Oil on paper mounted
on cardboard
32 x 41 cm
Tretyakov Gallery

собрание Москве. Вопрос о слиянии коллекций и создании городской художественной галереи был решен братьями задолго до непосредственной передачи произведений в дар родному городу, это был один из главных пунктов их духовных завещаний. Скончался Сергей Михайлович от разрыва сердца 25 июля 1892 года в Петергофе. Спустя год после его внезапной кончины Павел Михайлович написал: «...он любил живопись страстно и если собирал не русскую, то потому что я ее собирал, зато он оставил капитал для приобретения на проценты с него только русских художественных произведений. А человек он был гораздо лучше меня»⁶.

Сергей Михайлович занялся коллекционированием позже своего брата — в начале 1870-х. Принципы собирательства и особенности коллекций братьев Третьяковых естественно отличались друг от друга, как отличались их характеры и образ жизни. Однако отметим и сходство: Павел и Сергей начинали коллекционирование с современной живописи и не скрывали своих симпатий к жанру пейзажа, а по мере роста собрания у них возникло желание представить историю искусства в развитии, и тогда начался поиск произведений предшествующих столетий.

Коллекция Павла располагалась в специально построенных залах при его доме в Толмачах и была доступна широ-

кой публике с 1881 года, коллекцию Сергея, находившуюся в жилых комнатах особняка на Пречистенском бульваре (ныне Гоголевский бульвар, дом 6), могли увидеть только знакомые и по рекомендации.

Сергей Михайлович в основном интересовался современной западной живописью, прежде всего — французской, которая ценилась дороже произведений русской школы. Начинающему русскому коллекционеру было довольно сложно разбираться в художественной жизни Парижа, где сосуществовало множество стилей и жанров. На первых порах, как полагают исследователи, Сергея Михайловича консультировали А.П.Боголюбов и И.С.Тургенев. Последний, как считает И.А.Кузнецова⁷, оказал решающее влияние на формирование коллекции младшего Третьякова и его любовь к барбизонской пейзажной школе.

Из писем Сергея 1870-х годов складывается образ очень эмоционального и импульсивного молодого коллекционера. «У него тоже [как и у П.М.Третьякова. — Прим. авт.] был "нюх" на хорошую вещь. Он часто не ел и не спал, думая купить или не купить такого-то мастера»⁸, — вспоминал Боголюбов. Он легко втягивался в процесс, «загорался», но всякий раз останавливался, «остывал», когда угадывал лукавство или хуже — обман. «Г-жа Левен-

штейн и на этот раз заявила себя весьма недобросовестно: оказывается, что Гупиль предложил ей не 12 т., а 10000 франков, она же желала стянуть с меня 2000 лишних, телеграфировав, что ей Гупиль предлагает 12 т. Покупать картины здесь я намерения не имею, но разве что-либо особенно хорошее», — категорично заявил он в письме брату из Парижа осенью 1878 года. Вместе с тем, всякий раз оказываясь в Париже, вновь погружаясь в его атмосферу, Сергей Михайлович с присущей ему страстью увлеклся процессом купли-продажи-обмена художественных произведений: «Я писал тебе два письма. ...В первом просил выслать на имя Arnold & Tripp, 8, rue st. George картины Дюпре, Добиньи... Во втором просил выслать на имя George Petit, 7, rue st. George картину Добиньи, купленную у Варгунина, и картину Мессонье. Теперь прошу выслать еще две картины Руссо и Вальберга. И.С.Тургенев, нуждаясь в деньгах, решился продать своего Руссо, и я его купил, так что мой теперь оказывается лишним и я его здесь продам... Взамен проданных своих картин куплю что-нибудь очень хорошее, но что еще и сам пока не знаю. Видел превосходнейших картин очень много, но пока еще ни на что не решился кроме Тургеневского Руссо и Мункачи [имеется в виду полотно «Составление букета». — Прим. авт.], о котором тебе уже писал»⁹, —

⁶ И.Е.Репин. Письма. Переписка с П.М. Третьяковым. 1873–1898 / Подгот. к печати и примеч. М.Н. Григорьевой, А.Н. Шекотовой. М., Л., 1946. С. 165.

⁷ Кузнецова И.А. Собрание западноевропейской живописи Сергея Михайловича Третьякова // Частное коллекционирование в России. Материалы науч. конф. Вып. XVII. М., 1995. С. 143.

⁸ Боголюбов А.П. Записки моряка-художника. Волга. 1996. № 2–3. С. 168.

В.Г.ПЕРОВ
 Портрет пианиста
 и дирижера
 Н.Г.Рубинштейна
 1870
 Холст, масло
 102,5 × 79
 ГТТ

Vasily PEROV
 Portrait of the Pianist
 and Conductor Nikolai
 Rubinstein. 1870
 Oil on canvas
 102.5 × 79 cm
 Tretyakov Gallery

and was a good judge of paintings, even though he evidently gave preference to the French school. He was equally interested in purchasing works which conceptually resembled paintings of the modern Russian school, and exquisite examples of “lighter” styles, including salon paintings. The collection attests the aesthetic talent of its founder. He included works by Russian artists in his collection. He bought them by choice and also on his elder brother’s advice. It is a well-known fact, but articles written about Sergei Tretyakov mention that only occasionally.

Many specialists share Alexandra Botkina’s opinion that Russian works initially belonging to Sergei, were transferred to Pavel Tretyakov’s collection after Sergei’s decision to deal exclusively with paintings by Western artists. Yet, this opinion to some

extent is incorrect as Sergei bought his first West European paintings in the early 1870s, while in 1878 he acquired Polenov’s “The Grandma’s Garden”. Until his death, Sergei kept the painting in his residence. Kramskoy painted his “Moonlit Night” on Sergei Tretyakov’s commission in 1880.

The inventory of May 1891, completed during the younger Tretyakov’s lifetime, confirms that he owned 29 paintings and eight statues by Russian artists. According to his will and testament, on Sergei’s death his elder brother received the right to select works from the collection for himself. Given that the inventory listed the prices of all the items, it was used as the main financial document when the ownership of the united collection was transferred to the city. The inventory clearly shows which items belonged to Sergei’s collection during his

lifetime, which were owned by Pavel, and which — on Sergei’s demise — Pavel selected for his own collection. Also, the inventory confirms that some items became the property of Sergei Tretyakov’s widow.¹⁰

By the time the inventory collection had been completed 13 paintings by Russian artists were already exhibited at the Tretyakov Gallery. Undoubtedly, all of them are true masterpieces, among the best examples of Russian art. Among them Arkhip Kuindzhi’s “Ukrainian Night” (1876), a few sketches by Alexander Ivanov, including “Castellammare View from Pompeii” (1846) and “Head of a Pifferaro Boy”, and Kramskoy’s “Moonlit Night” (1880) for which, following Sergei’s wish, his wife Elena Andreevna was posing as a model. Today the Tretyakov Gallery collection includes 19 paintings acquired by Sergei Tretyakov. Seven paintings selected by Pavel were added to the initial 13 items of the Tolmachi collection (later the Tretyakov Gallery parted with one of them). They included Karl Gun’s “Got You!” (1875), Alexei Kharlamov’s “Portrait of Elena Tretyakova” (1875), landscape paintings by Sylvestr Schedrin (“Landscape. Naples” and “Street and a House”), Mikhail Klodt’s “Sunset”¹¹, Alexei Bogolyubov’s paintings “The Ipatyev Monastery” and “The Summer Night on the Neva at the Seaside”.

Yet, Sergei Mikhailovich’s collection contained more works by Russian artists. Unlike his brother, the younger Tretyakov was eager to lend paintings from his collection to exhibitions. Letters and catalogues, which list items from Sergei Tretyakov’s collection, confirm the fact that some paintings were not included in the 1891 inventory. Among them were Fedor Bronnikov’s “Artists in a Rich Man’s Ante-Room”, Vladimir Makovsky’s “A Gentlewoman’s Outing”, Yuri Leman’s “Head of a Lady”, Eugen Gustav Ducker’s “Landscape View”, and others. It is a well-known fact that Pavel Tretyakov made arrangements for the so-called “clean-ups” of his collection, even though he disliked them. Obviously, Sergei parted with purchased paintings more easily than his brother.

With regard to paintings and sculptures in Sergei’s collection, some details still have to be clarified. For example, who paid for Antokolsky’s marble statue “Ivan the Terrible” — Pavel or Sergei? Pavel was engaged in correspondence with the sculptor, and made the commission and paid a loan so that the statue could become reality. In her book, Alexandra Botkina writes that it was Sergei who paid Antokolsky. Yet, according to the available letters, it is apparent that both brothers paid for the statue since its price 8,000 rubles was very high. Until Sergei’s death, the statue was kept at his mansion at the Prechistensky Boulevard. Also, Sergei Tretyakov paid for Vereschagin’s Turkestan series in 1875. To execute the payment, he had to transfer money from St. Petersburg, even though Pavel was initially interested in purchasing those paintings. In 1873 Pavel bought for his

сообщал Сергей Павлу в 1882 году. Спустя немногим более месяца он благодарит Павла за хлопоты: «Картины посланные тобой пришли в полной исправности... Я все их сдал с хорошим барышом и в том числе с Мессонье. Взамен... приобрел вещи первоклассные, так что теперь моя коллекция будет превосходной»⁹. Из писем выясняется, что Сергей Третьяков был знаком с Мессонье, передавал московским собирателям через брата его просьбы относительно представительства на выставках.

Сергей Михайлович покупал произведения искусства не только у коллекционеров и торговцев (например, в торговом доме Гупиля, аукционном доме Друо, в галереях Дюран-Рюэля, Пети, Арнольда и Трипа), он посещал парижский салон, крупнейшие выставки, в том числе всемирные. Так, картина Жюль Бретона «Рыбаки в Ментоне» была приобретена им на Всемирной выставке в Париже 1878 года. Видимо, через посредничество А.П.Боголюбова и И.С.Тургенева Сергей Михайлович общался непосредственно с художниками, навещая их в мастерских.

Сергей Третьяков первым среди русских коллекционеров попытался отразить в своем собрании историю французской живописи XIX столетия. Количество произведений того или иного мастера в собрании принято считать важным показателем предпочтений коллекционера. Начиная со второй половины 1880-х у Сергея Третьякова появляются картины основоположника классицизма рубежа XVIII–XIX веков Давида, представителей французского романтизма Делакруа и Жерико. В коллекцию вошли по одной-три первоклассных работы мастеров барбизонской школы — Теодора Руссо, Диаза де ла Пенья, Дюпре, близкого к ним Тройона. Творчество особо ценимых коллекционером живописцев было отражено бльшим количеством полотен: Добиньи, например, — шестью произведениями, Камиль Коро — семью (его картина «Купание Дианы» стала последним приобретением Сергея Третьякова). Также в собрании находились работы, исполненные в русле популярного в те годы ориентализма. Среди современных художников реалистического направления младший Третьяков избрал Милле, Курбе, Бастьена-Лепажа. В заслугу Сергею Михайловичу можно поставить и открытие новых имен — он приобрел работы малоизвестных художников Луиджи Луара и Паскаля Даныяна-Бувре.

С начала 1880-х годов Сергей Михайлович стал приобретать и произведения других европейских мастеров, желая представить в своем собрании все крупнейшие живописные школы — испанскую, бельгийскую, швейцарскую, немецкую. Так, у него появились картины популярных живописцев,

В.Г.ПЕРОВ
 Птицелов. 1870
 Холст, масло
 82,5 × 126
 ГТТ

Vasily PEROV
 The Bird Catcher. 1870
 Oil on canvas
 82.5 × 126 cm
 Tretyakov Gallery

пользовавшихся европейской славой: англичанина голландского происхождения Лоуренса Альма-Тадемы, венгра Михая Мункачи, испанца Мариано Фортуну, покорившего своей «живой мерцающей кистью» многих русских художников (о нем восторженно отзывались И.Н.Крамской, И.Е.Репин, В.Д.Поленов, П.П.Чистяков, К.Е.Маковский, В.В.Верещагин, а позже — М.А.Врубель).

Формируя коллекцию, Сергей Михайлович проявлял исключительную разборчивость и тонкий художественный вкус. По выражению И.Э.Грабаря, он создал «единственную в своем роде» галерею европейского искусства, ставшую своеобразным местом паломничества для любителей западного искусства. Коллекция младшего Третьякова всегда была открыта для избранного круга людей: молодых художников, учеников Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Поставленная таким образом задача удовлетворяла одновременно нескольким направлениям деятельности купца-благотворителя, москвича по рождению, гражданина и патриота. Создание в Москве картинной галереи современной европейской живописи было важно как с историко-культурной, так и с просветительской точки зрения.

Еще современники Сергея Третьякова говорили о воздействии приобретенных им произведений на отечественное искусство. Так, по общему признанию, под некоторым влиянием полотна «Деревенская любовь» Бастьена-Лепажа находились многие русские художники, в том числе М.В.Нестеров и В.А.Серов. По мнению В.Д.Поленова, под впечатлением от карти-

ны Даныяна-Бувре «Благословение новобрачных» были написаны «Гости» Е.Д.Поленовой, «В ожидании шафера» И.М.Прянишникова, «Объяснение» В.Е.Маковского, «Девочка с персиками» В.А.Серова и даже «Не ждали» И.Е.Репина; специалисты причисляют к ним и картину «Чайный стол» К.А.Коровина. Многие художники приходили копировать в галерею Сергея Третьякова: в частности, И.И.Левитан и К.А.Коровин копировали картины Ю.А.

На момент передачи городу коллекция Сергея Михайловича насчитывала 84 произведения западноевропейской живописи и рисунка, четыре статуэтки и один кувшинчик времен античности, три шпалеры французской работы XVII–XVIII столетий.

Каждое собрание несет на себе печать личности его создателя. Сергей Михайлович был коллекционером страстным, горячим, импульсивным, порой выглядел азартным игроком, порой — обстоятельным коллекционером. Он не боялся покупать, а затем отказываться от покупок, безбоязненно расставался с произведениями из своего собрания, часто выменивал их на новые, горячо торговался, сбывая цены, возмущался, если обнаруживал обман. Из писем становится понятно, насколько Сергей Михайлович был человеком увлекающимся, умевшим легко и быстро вдохновляться, но в то же время, он всякий раз соотносил свое желание и реальную стоимость произведения, довольно трезво в письмах к брату оценивал картины. Как всякий коллекционер, он иногда ошибался. Сегодня некоторые произведения получили новые атрибуции, однако их немного. Так, купленный младшим Третьяковым

¹⁰ For more information on the will and the history of transfer of Sergei Tretyakov’s Collection see the article by N.L. Priimak: Sergei Mikhailovich Tretyakov // The Tretyakov Gallery magazine. 2004. No. 3 (04). p. 62-73.

¹¹ In the 1930s this painting was loaned to the Belorussia Museum by the Tretyakov Gallery. Disappeared during World War II.

⁹ ОР ГТТ. Ф.1. Ед. хр. 3661.

¹⁰ ОР ГТТ. Ф.1. Ед. хр. 3662.

«Портрет молодого человека» Давида в настоящее время сотрудниками ГМИИ приписывается школе Давида.

Состав коллекции Сергея Михайловича подтверждает его эстетическую одаренность. Природа наделила собирателя острым чутьем и «художественным глазом». Что бы ни говорили о младшем Третьякове, называя его «только любителем», бесспорно одно — он умел ценить живопись, знал толк в выборе картин, но предпочитал французскую школу. Сергей Михайлович с равным интересом приобретал произведения содержательной направленности близкие по духу современной русской живописи и блестящие образцы легкой живописной манеры, произведения салонного искусства. Он собирал и произведения русского искусства, покупая их как по собственному усмотрению, так и по совету брата. Об этом хорошо известно факте в статьях, посвященных младшему Третьякову, говорится менее всего.

Боткина, а вслед за ней многие исследователи, полагают, что картины русских художников из собрания Сергея Михайловича перешли в собрание Павла Михайловича в тот момент, когда младший брат окончательно решил коллекционировать иностранную живопись. Между тем, это не совсем верно: первые приобретения западной живописи он сделал уже в начале 1870-х, а картину В.Д.Поленова «Бабушкин сад» купил в 1878 году (до смерти

Сергея Третьякова она находилась в его особняке). В 1880 году по заказу коллекционера И.Н.Крамской создал полотно «Лунная ночь» (в соответствии с пожеланием заказчика для картины позировала его жена Елена Андреевна).

Согласно описи, составленной в мае 1891 года (еще при жизни Сергея Михайловича), ему принадлежало 29 картин и восемь скульптур русских мастеров. В духовном завещании право отбора вещей из собрания после его смерти предоставлялось старшему брату. В описи указана стоимость каждого произведения, и потому она была использована в качестве главного финансового документа при передаче объединенной коллекции Третьяковской галереи в собственность города. Из описи становится ясно, какие работы хранились при жизни Сергея Михайловича в его коллекции, а какие — у старшего брата, что отобрал Павел Михайлович после смерти Сергея Михайловича и что отошло его вдове¹¹.

На момент составления описи в экспозиции Третьяковской галереи уже находилось 13 живописных произведений. Все они, бесспорно, являются шедеврами русского искусства, так сказать, «первыми номерами». В их числе — уже упоминавшаяся «Лунная ночь» И.Н.Крамской, «Украинская ночь» А.И.Куинджи, «Вид из Помпеи на Каstellамаре» (1846) и «Голова мальчика-пиффераро» А.А.Иванова. Павел Михайлович отобрал для своего собрания еще семь картин из коллекции брата: «Портрет Е.А.Третьяковой» А.А.Харламова, жанровую сценку «Попался!» К.Ф.Гуна, «Закат солнца»¹² М.К.Клодта, пейзажи «Ипатьевский монастырь» и «Летняя ночь на Неве у взморья» А.П.Боголюбова, две работы Сильв. Щедрина (согласно описи — «Пейзаж. Неаполь» и «Улица и здание»).

Однако в собрание Сергея Михайловича вошли и другие произведения, созданные русскими мастерами. Он охотнее, нежели старший брат, предоставлял свои картины на выставки. Из писем и каталогов, в которых упоминаются работы из собрания С.М.Третьякова, выявляется ряд картин, не значащихся в описи 1891 года: «Художники в приемной богача» Ф.А.Бронникова, «Прогулка барыни» В.Е.Маковского, «Женская головка» Ю.Я.Лемана, «Пейзаж» Е.Э.Дюккера и другие. Известно, что Павел Михайлович устраивал так называемые «чистки» своей коллекции, хотя и не любил это делать. Сергей Михайлович, по-видимому, легче расставался с приобретенными произведениями.

Многие подробности как живописных, так и скульптурных приобретений Сергея Михайловича и по сей день остаются не проясненными. Например, кто из братьев платил за мраморную скульптуру М.М.Антокольского «Царь Иоанн Васильевич Гроз-

ный». В переписке со скульптором состоял Павел Михайлович, он же сделал заказ и оплатил кредит в счет стоимости будущей статуи. В книге Боткиной сказано, что Антокольскому платил Сергей Михайлович, однако, судя по письмам, она была оплачена братьями Третьяковыми совместно, так как стоила чрезвычайно дорого — 8000 рублей. До смерти Сергея Третьякова статуя находилась в его особняке на Пречистенском бульваре. Деньги за Туркестанскую серию картин В.В.Верещагина 1875 года переводил из Петербурга Сергей Михайлович, хотя инициатива покупки верещагинских работ исходила от Павла Михайловича. В 1873 году он приобрел для младшего брата картину Ф.А.Васильева «В Крымских горах», вскоре она перешла в экспозицию в Толмачах. Порой Павел Михайлович торговался от своего имени в пользу младшего брата, настаивая на том, что Сергей Михайлович «не совсем публика» и потому ему возможна уступка в цене, например за картину «Лунную ночь».

Принято считать, что Сергей во всем подчинялся воле старшего брата. Однако многие факты, известные из писем, не соответствуют этому. Павел часто прислушивался к мнению младшего брата. В 1875 году, посетив мастерскую Верещагина, Сергей выразил в письме свои восторги по поводу пяти этюдов «лямщиков» (бурлаков), которые вскоре после этого Павел приобрел для своего собрания. Год спустя он написал П.П.Чистякову о картине «Украинская ночь» А.И.Куинджи: «Куинджи я также видел, но приобрести ее и не покушался, потому что мне она показалась совершенно так, как и Вам, но брату моему она понравилась, и он ее приобрел»¹³. По воспоминаниям Боголюбова, Павел Михайлович не решался купить картину Лемана «Дама в костюме времен Директории»; «долго думал купить или не покупать, потому что это была парижанка»¹⁴, а Сергей Михайлович уговорил старшего брата. Думается, что чаще решения принимались по обоюдному согласию. Преимущественным правом в приобретении произведений русского искусства, конечно, пользовался старший брат. Это право было завоевано им в 1870-е годы: Павел Михайлович почти не имел серьезных конкурентов на художественном рынке; они появились позже, со второй половины 1880-х.

Сергею Михайловичу приходилось помогать брату в его сложных взаимоотношениях с художниками. По воспоминаниям служителя Третьяковской галереи Н.А.Мудрогеля, бывали случаи, когда картину приобретал Сергей Михайлович, но вскоре она попадала в коллекцию старшего брата. Однажды между В.Г.Перовым и П.М.Третьяковым произошла размолвка, после которой Павел Михайлович, узнав о

М.М.АНТОКОЛЬСКИЙ
Царь Иоанн Васильевич
Грозный. 1875
Мрамор. Высота 151
см

Mark ANTOKOLSKY
Ivan the Terrible. 1875
Marble. Height 151 cm
Tret'yakov Gallery

Ф.А.ВАСИЛЬЕВ
В Крымских
горах. 1873
Холст, масло. 116 × 90
см

Fedor VASILYEV
In the Crimean
Mountains. 1873
Oil on canvas
116 × 90 cm
Tret'yakov Gallery

¹¹ Более подробно о завещании и истории передачи коллекции С.М.Третьякова см.: *Примак Н.Л.* Сергей Михайлович Третьяков — меценат, коллекционер, общественный деятель // Третьяковская галерея. 2004, № 3 (04). С. 62–73.

¹² Эта картина, выданная из ГТГ в 1930-е годы в Белорусский художественный музей, пропала в годы Великой Отечественной войны.

¹³ П.П.Чистяков. Письма. Записные книжки. Воспоминания. 1832–1919. М., 1953. С. 78.

¹⁴ *Боголюбов А.Л.* Указ. соч. С. 167.

А.И.КУИНДЖИ
Украинская
ночь. 1876
Холст, масло
79 × 162
ГТГ

Arkhip KUINDZHI
Ukrainian
Night. 1876
Oil on canvas
79 × 162 cm
Tretyakov Gallery

brother Fyodor Vasilyev's work "In the Crimean Mountains". Soon it became part of the Tolmachi collection. Sometimes Pavel entered into bargaining in his own name to negotiate a price discount for his younger brother. He insisted that Sergei was not just a "member of the general public" so the price of "Moonlit Night", for example, should be reduced.

As a younger brother, Sergei was believed to always submit to Pavel's will and to do what Pavel told him. Yet, many facts in their correspondence proved the opposite. Moreover, Pavel often sought advice from his younger brother. For example, in 1875, after visiting Vereschagin's studio, Sergei expressed his admiration for five sketches depicting barge haulers in a letter to his brother. Soon afterwards, the sketches were acquired for Pavel's collection. A year later, Pavel wrote to Pavel Chistyakov: "I also saw Kuindzhi's work ["Ukrainian Night" — *T. Yu.*] but I did not attempt to buy it because my opinion of this work is the same as yours. Yet, my brother liked it, and so he bought it."¹² According to Bogolyubov, Pavel Mikhailovich "could not for quite a long time come to any definite decision on whether to buy or not to buy Yury Leman's 'Lady in the Dress of the Time of Directoire' because the sitter was a Parisienne."¹³ It seems that most decisions were made by mutual consent. Obviously, Pavel enjoyed the priority right in purchasing works of Russian artists. He earned the privilege in the 1870s when he practically had no rivals on the Russian art market. His competitors appeared only in the late 1880s.

Sergei had to assist his elder brother in resolving complicated disputes with artists. According to Nikolai Mudroge, who served as an attendant at the Tretyakov Gallery, sometimes it happened that a painting purchased by Sergei was immedi-

ately transferred to his elder brother's collection. Once a dispute arose between Pavel Tretyakov and Vasily Perov. When Pavel heard about Perov's new work, "The Bird Catcher", he sent Sergei to the artist to buy the painting for himself. Sergei immediately bought it. For a few months he kept the painting at his mansion at Prechistensky Boulevard, but later transferred it to the gallery. However, until Perov's death, the painting's frame bore an inscription "Property of S.M. Tretyakov."

Participating in his brother's complex "game", Sergei Tretyakov had to undertake "reconciliatory" or even "diplomatic" functions. The artists often confessed to being unable to tell who was the real owner of their paintings. "I don't quite understand how my sketch ["Forester" — *T. Yu.*] could be purchased by your brother for your collection — as a gift?" Kramskoy asked Pavel Tretyakov. Pavel tried to explain the situation: "I walked through the exhibition... and decided to buy your sketch (as it has been staged perfectly), but I did not dare buying it in the presence of my "escort" [Perov and Makovsky — *T. Yu.*]. That is why the next day I asked my brother to purchase the sketch. But I am its real owner. Frankly speaking, I thought they would believe I intended to hurt them deliberately by buying a work of a non-Muscovite here in Moscow."¹⁴

During his life, Sergei Tretyakov devoted much time to the Tretyakov Gallery. On Pavel's request, he visited artists in St. Petersburg and abroad. In Paris he met Bogolyubov, Leman, Kharlamov, Pryanishnikov, Vereschagin. Taking an active part in the affairs of his brother's gallery, in 1870 Sergei commissioned Perov to paint a portrait of Nikolai Rubinstein, a musician and the founder of the Moscow Conservatory. Nikolai was the

youngest of the Rubinstein brothers and Sergei's close friend. He was "assigned" a task to convince his elder brother Anton, also a pianist and the founder of the St. Petersburg Conservatory, to pose as a model for a portrait, which Pavel had ordered from Repin for the gallery of the eminent people of Russia. "In any case, one of the portraits is almost ready," Sergei reported to Pavel in 1881. "In my opinion, it's an excellent work so I fulfilled your will and order."¹⁵

In the early 1880s, while living in St. Petersburg, Sergei Tretyakov requested a pension for Vasily Perov's widow. Perov had close relations with both brothers, and among the Moscow school artists, they considered him one of their favorite painters. Sergei was looking for a possibility to obtain the pension. "Perhaps, it will be possible to do something for poor Mme. Perova," Sergei wrote in a letter to Pavel.¹⁶ In 1889 Sergei negotiated the possibility to return to the gallery the portrait of the writer Nadezhda Zayonchkovskaya, which had been ordered by Pavel and later kept at Zayonchkovskaya's estate until her death.

If works by Russian artists constituted but a small part of Sergei Tretyakov's collection and doubts existed with regard to the circumstances under which many of them had been purchased, its "Western part", undoubtedly, played a prominent part in the history of Moscow, and even Russian art collecting. It influenced the development of Schukin's and Morozov's French art collections. To give due credit to Sergei Tretyakov's work and his aspirations "to serve the community", his role in philanthropy (which still has to be explored), as well as in support of Russian art, in the education of the Russian people, and in the popularization of Western European art cannot be underestimated.

новой картине «Птицелов», послал к художнику своего брата, чтобы тот купил ее для себя. Картина была немедленно куплена и помещена в доме Сергея Михайловича, но спустя несколько месяцев перешла в галерею, хотя на ее раме до самой смерти Перова висела табличка с надписью «картина принадлежит С.М.Третьякову».

Принимая участие в сложной игре старшего брата, Сергей Михайлович брал на себя «примиряющую» или вовсе «дипломатическую» роль. Художники признавались, что не всегда понимали, кто из братьев является владельцем той или иной работы. «Я не совсем понял, как это мой этюд [«Полесовщик». — *Прим. авт.*] куплен Вашим братом, для вашей коллекции (в подарок)?» — вопрошал Крамской Павла Третьякова, который не преминул объяснить происшедшее: «...я обошел выставку.. и решил приобрести Ваш этюд (он поставлен был отлично), но духу не хватило испортить хорошее расположение сопровождавших меня [Перова и Маковского. — *Прим. авт.*], и вот я попросил на другой день брата приобрести этюд; но приобрел его собственно я, а не брат; мне казалось, говоря между нами, что сочтут за намеренный укол — приобретение и в Москве работы не московского художника...»¹⁵

В свою очередь, Павел Михайлович выполнял непрерывающиеся просьбы брата: переправлял картины из особняка на Пречистенке в Париж для экспонирования на выставках; занимался страхованием произведений искусства; посылал денежные переводы; принимал купленные Сергеем картины из-за границы.

На протяжении всей жизни Сергей Михайлович много времени посвящал делам Третьяковской галереи. По просьбам Павла Михайловича он общался с художниками как в Петербурге, так и за границей. В Париже встречался с Боголюбовым, Леманом, Харламовым, Пryanishниковым, Верещагиным. Участвуя в делах галереи, в 1870 году Сергей Михайлович заказал Перову живописный портрет основателя Московской консерватории младшего из братьев Рубинштейнов — Николая Григорьевича, с которым находился в тесных дружеских отношениях многие годы. Ему выпала доля уговорить старшего из братьев — Антона Григорьевича, основателя Санкт-Петербургской консерватории, позировать Репину для портрета, заказанного Павлом Третьяковым. «Во всяком случае, один портрет уже почти готов, — отчитывался Сергей Михайлович в 1881 году, — и, по-моему, превосходный — следовательно, твое желание и поручение исполнено»¹⁶.

В начале 1880-х, живя в Санкт-Петербурге, Сергей Михайлович ходатайствовал о выделении пенсии вдове художника В.Г.Перова. «Авось что-нибудь и удастся сделать для бедной

И.Н.КРАМСКОЙ
Лунная ночь. 1880
Холст, масло
178,8 × 135,2
ГТГ

Ivan KRAMSKOY
Moonlit Night. 1880
Oil on canvas
178.8 × 135.2 cm
Tretyakov Gallery

¹⁵ И.Н.Крамской. Письма, статьи. В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 300.

¹⁶ ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 3656.

¹⁷ ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 3675.

г-жи Перовой»¹⁷, — высказал он надежду в письме к брату. Для них обоих художник был близким человеком, одним из любимых мастеров московской школы. В 1889 году Сергей Михайлович вел переговоры о возвращении в галерею заказанного Павлом Михайловичем живописного портрета писательницы Н.Д.Зайончковской.

Если в собрании младшего Третьякова произведений русского искусства было немного и в самом деле не вполне ясно, при каких обстоятельствах многие из них приобретались, то относительно западного искусства можно сказать со всей определенно-

стью: коллекция Сергея Михайловича Третьякова заняла центральное место в истории московского, и шире — русского собирательства, заложив основы формирования последующих коллекций французского искусства С.И.Щукина и И.А.Морозова. Вместе с тем роль Сергея Михайловича Третьякова, его каждодневные труды и усилия, «стремления быть полезным обществу» и в активной благотворительной деятельности (которая еще ждет своих исследователей), и в поддержке русского искусства, в просвещении русской публики, в популяризации западного искусства трудно переоценить.